

Ани Еганян

~~Что-то болит~~

НИЧЕГО СТРАШНОГО



Ани Еганян

Ничего страшного

«Автор»

2026

Еганян А.

Ничего страшного / А. Еганян — «Автор», 2026

«Ничего страшного», — говорим мы, когда нас не слышат. Когда близкий человек оставляет справляться одних. Когда очень больно, но неудобно об этом сказать. В этой книге — 72 откровенных монолога о том, что мы привыкли прятать даже от себя. О заботе, которая становится контролем. О доброте со скрытым счётом. О чужом равнодушии, которое однажды узнаёшь в собственных поступках. Некоторые главы захочется отправить тому, кто вас ранил. На других придётся задержаться: в них можно узнать себя. Книга для тех, кто слишком часто говорит «я справлюсь» и всё реже слышит вопрос: «А как ты на самом деле?»

© Еганян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Когда стало больно	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	9
Глава 5	10
Глава 6	11
Глава 7	12
Глава 8	13
Глава 9	14
Глава 10	15
Глава 11	16
Глава 12	17
Кому удобно	18
Глава 13	18
Глава 14	19
Глава 15	20
Глава 16	21
Глава 17	22
Глава 18	23
Глава 19	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ани Еганян

Ничего страшного

НИЧЕГО

СТРАШНОГО

Ани Еганян

Короткая проза

Когда стало больно

Глава 1

Ничего страшного

Меня больше всего пугает, как быстро люди привыкают жить после того, что сделали с другими.

Ты ещё сидишь на кухне, перечитываешь переписку, пытаешься найти место, где всё пошло не так. А человек уже выбирает, что заказать на ужин. Просит положить побольше соуса. Смеётся над какой-то хернёй в телефоне. У него обычный вторник. У тебя теперь жизнь делится на «до» и «после».

И ведь он знает. Вот что хуже всего. Нельзя объяснить человеку, что тебе больно, если он и так это знает. Ты просто надеешься подобрать такие слова, после которых ему станет не всё равно. Пишешь длиннее. Потом короче. Потом удаляешь всё и отправляешь: «Нам надо поговорить». Как будто дело в том, что ты до сих пор недостаточно понятно выразилась.

Я унижалась так. Только тогда называла это попыткой сохранить отношения. Для собственного унижения вообще легко найти приличное название. Терпение. Верность. Умение прощать. Я называла себя понимающей, когда боялась задать вопрос, на который уже знала ответ.

Потом мне стало стыдно. Не за того человека — за себя. За эти сообщения. За то, как прислушивалась к каждому звуку телефона. За радость, когда он наконец отвечал. Мне было достаточно двух слов, чтобы простить ему неделю молчания. Он даже не успевал попросить прощения.

Сейчас я рассказываю об этом спокойно. Местами даже смешно. Люди смеются, я тоже. Хорошая история получается, если выкинуть из неё то, как ты на самом деле себя чувствовала.

Я думала, после этого стану внимательнее к чужой боли.

Недавно подруга написала мне: «Можно я позвоню? Мне очень плохо».

Я увидела сообщение сразу. Сидела на диване, листала телефон. Рабочий день закончился, посуда была вымыта, никуда идти не требовалось. Но я знала: разговор надолго. Надо будет слушать, что-то говорить, снова слушать. А мне хотелось спокойно провести вечер.

Я ответила утром: «Прости, только увидела. Как ты?»

Она написала: «Уже нормально».

Я обрадовалась этому «нормально». Даже не спросила, как она провела ночь.

Весь день потом собиралась признаться, что прочитала сообщение сразу. Открывала наш разговор и закрывала. Мне казалось жестоким сказать ей правду.

Так и оставила из заботы о ней.

Глава 2

Видела

У меня был период, когда я знала время чужих заходов в сеть лучше, чем расписание собственных дел. Восемь сорок две. Девять семнадцать. После полуночи ещё один раз. Мне было тридцать с лишним лет, у меня были работа, квитанции, больная спина. И отдельная должность: следить за человеком, который забыл мне ответить.

Я понимала, как это выглядит. Поэтому никому не рассказывала. Перед подругами изображала женщину, которой всё ясно. Произносила слово «приоритеты» таким голосом, будто сама жила в соответствии с ними. А под столом обновляла страницу.

Боль от молчания трудно объяснить, потому что тебе как будто нечего предъявить. Человек не оскорбил. Не накричал. Даже отказа не было. Просто твой вопрос состарился у него в телефоне. Сначала он был срочным, потом неловким, потом стал доказательством твоей навязчивости. Хотя дополнительных сообщений я ещё не отправляла. Я уже успела почувствовать себя навязчивой за первое.

Особенно тяжело было видеть, как он отвечает другим. Обычным людям, в общих беседах, без всякой любви. Им доставались целые предложения. Я училась не просить даже этого. Когда он наконец писал, я специально ждала. Ставила таймер. Мой ответ должен был выглядеть так, будто у меня тоже есть жизнь.

Она была. Просто всё в ней на время стало фоном для одного человека.

Теперь я иногда оставляю телефон в другой комнате. Первые минуты всё равно прислушиваюсь. От привычки ждать нельзя избавиться тем же движением, которым убираешь звук. Мне ещё хочется получить то сообщение, которое задним числом исправит все остальные вечера.

Однажды я призналась в этом подруге. Она не стала объяснять, что нужно уважать себя. Сказала, что тоже проверяла. И назвала время, которое помнит до сих пор. Мы сидели рядом, две взрослые разумные женщины, и вдруг перестали делать друг перед другом вид.

Я рассказала ей даже про таймер. Она рассмеялась, потом обняла меня. Телефон завибрировал у меня в кармане. На этот раз я договорила прежде, чем посмотреть.

Глава 3

Запасной ключ

После расставания я потребовала вернуть ключ. Произнесла это очень твёрдо. Мне казалось, что именно так выглядит человек, который наконец взял свою жизнь в руки. Он положил ключ на тумбу, спросил, заберёт ли завтра оставшиеся вещи. Я сказала: заberi всё.

Всё оказалось удивительно небольшим. Два пакета, зарядка, куртка. Долгие отношения плохо переносят пересчёт в предметы. Хочется, чтобы за ними прислали хотя бы грузовик. Чтобы соседям стало понятно, сколько у тебя забирают.

Ключ я убрала в ящик. Замок не меняла. Сначала не было денег, потом времени. Потом я заметила, что оставляю второй замок открытым, хотя раньше всегда запирала оба. Он иногда возвращался поздно и не любил, когда приходилось звонить.

Никто больше не собирался возвращаться. Это я готовила ему вход. Совершенно незаметно для собственной гордости, которая уже всем сообщила о новой жизни.

Самое унижительное в расставании часто случается без второго человека. Он давно занят своим, а ты ещё покупаешь йогурт, который сама не ешь. Поправляешь одеяло на чужой половине. Отказываешься от приглашения на выходные: вдруг понадобятся именно эти выходные. Даже нельзя разозлиться на него за всё это. Он не просил оставлять ему место.

Мне хотелось считать ожидание доказательством большой любви. Возможно, любовь там тоже была. Но ещё я не могла вынести, что решение действительно принято без меня. Если бы он вернулся, я собиралась заставить его просить. В этой воображаемой сцене у меня наконец появлялась власть.

Через несколько месяцев пришёл слесарь. Пока он работал, я стояла в прихожей с чашкой, как будто принимала важного гостя. Он спросил, сколько комплектов сделать. Я почти ответила: два. Потом сказала: один. И сразу добавила, что второй всё-таки нужен маме.

Новый ключ оказался другого цвета. Это почему-то расстроило сильнее, чем следовало. Вечером я закрыла оба замка, легла и долго слушала подъезд. Никто не дёрнул ручку. Ничего торжественного не произошло. Утром пришлось вставать на работу. Я встала.

Глава 4

Нормальные люди

Мне хотелось, чтобы человек, причинивший мне боль, выглядел соответственно. Чтобы у него было неприятное лицо, скверные манеры и хотя бы один заметный всем недостаток. Тогда я могла бы указать на него и сказать: вот. Теперь понятно.

Но он был нормальным. Придерживал двери. Помнил дни рождения. Умел поговорить с пожилой соседкой так, что она потом хвалила его мне. Однажды он ехал через весь город помогать знакомому с машиной. Я в тот вечер ждала его дома и ничего не знала.

После разрыва люди осторожно сообщали, что он вообще-то хороший. Как будто моё несчастье содержало ошибку в исходных данных. Я начинала доказывать. Доставала подробности, которые обещала себе никому не рассказывать. С каждым новым доказательством я выглядела хуже: возбужднее, злее, мельче. Он в этих разговорах вообще не участвовал. Ему хватало хорошей репутации.

Меня бесило, что чужая порядочность на кассе как будто отменяла то, что происходило дома. Я тоже знала, как приятно он умеет разговаривать. Я влюбилась именно в этого человека, которого они теперь защищали от моей версии.

Со временем я перестала искать в нём сплошное зло. От этого не стало проще. Гораздо страшнее признать, что внимательный человек способен выбрать, к кому быть внимательным. Что он понимал, как причиняет боль, и всё равно продолжал. У него хватало сил помочь соседу. На разговор со мной сил не находилось.

Впрочем, я тоже умею распределять свою доброту. Чужому человеку улыбаюсь, домашнему отвечаю через плечо. На работе сохраняю выдержку, а дома объясняю резкость усталостью. Близкие получают меня без упаковки. Я долго считала это особой формой доверия.

Недавно я грубо ответила маме. Потом вежливо поговорила с курьером, который перепутал адрес. Мама стояла рядом и слышала оба разговора. Ничего не сказала. Только я уже не смогла убедить себя, что просто не умею сегодня быть доброй.

Глава 5

Место за столом

Когда тебе говорят, что о тебе забыли, обижаться как будто неприлично. Ведь специально никто не хотел. Просто собрались, написали друг другу, заказали столик. А твой номер существует в том же телефоне, которым они всё это делали.

Я увидела фотографии утром. Сначала обрадовалась знакомым лицам. Потом стала считать. Это отвратительное занятие: считать людей на чужом празднике, пытаясь определить, имеешь ли ты право почувствовать себя лишней. Если собрались трое, можно объяснить случайностью. Если девять, начинаешь искать объяснение в себе.

Мне написали: «Мы думали, ты занята». Я действительно часто бывала занята. Иногда отказывалась из-за денег, но придумывала дела, потому что не хотела заставлять других выбирать место дешевле. Людям проще представить мою загруженность, чем мой баланс на карте. Я сама много поработала над этим впечатлением.

Можно было ответить честно: мне обидно. Я написала: «Да всё нормально, классно посидели». Даже поставила сердечко. Оно избавило всех от необходимости что-либо уточнять.

После этого я стала отдаляться. Медленно, с достоинством. Отвечала короче, сама не звонила. Ждала, когда кто-нибудь заметит перемену и угадает её причину. Я устроила людям экзамен, не сообщив, что они в нём участвуют. Любое их поведение подтверждало нужный ответ: я им не важна.

Через месяц одна из подруг спросила напрямую, что случилось. Я сказала: ничего. Мне хотелось, чтобы она догадалась сама. Почему-то именно самостоятельная догадка казалась единственным годным доказательством любви.

Сейчас мы общаемся реже. Там были и их невнимательность, и моя ложь. От первого факта мне до сих пор больно. Второй мешает рассказывать эту историю так красиво, как хотелось бы.

Я однажды всё-таки призналась, что тогда не хватало денег. Подруга замолчала, потом спросила, почему я не сказала. И я снова чуть не ответила: «Да что там говорить». Так легко закрыть дверь, а потом годами ждать, когда кто-нибудь постучит.

Глава 6

Свидетели

Я помню не только то, что мне сказали. Я помню, кто в это время посмотрел в тарелку.

За столом было несколько человек. Мы ели мясо, обсуждали отпуск. Он вдруг рассказал историю, в которой я выглядела смешной и глупой. Саму историю я знала. Только дома у неё были другие подробности. Здесь он аккуратно их убрал, оставил мой испуг и собственную находчивость. Получилось забавно.

Кто-то засмеялся. Кто-то сделал вид, что не услышал. Близкая подруга стала резать помидор на очень мелкие кусочки. Я смотрела на её нож и ждала. Не защиты на всю жизнь. Одной фразы. Можно было даже без громкости.

Никто ничего не сказал, и я засмеялась тоже. Ужасно хотелось поскорее вернуться в число тех, кто понимает шутку. Когда смеёшься над собой вместе со всеми, хотя бы не остаёшься за столом одна.

Потом подруга отвела меня в сторону и сказала, что он перегнул. Шёпотом. Я поблагодарила. Позже злилась на себя за эту благодарность. Её тихое несогласие досталось мне после того, как публичное согласие уже досталось ему.

Она боялась скандала. Я понимала. Сама боялась ещё сильнее. Но от этого не переставала помнить, что она могла позволить себе бояться, а мне пришлось сидеть в центре чужого развлечения.

Через несколько недель на работе начальник унизил нашу новую сотрудницу. Она перепутала цифры, виновата действительно была. Он объяснял ошибку долго, с удовольствием, при всех. Я открыла таблицу и смотрела в неё, пока он говорил. У меня заканчивался испытательный срок на новой должности. Я не могла рисковать.

Потом догнала девушку у лифта. Сказала, чтобы не принимала близко к сердцу. Что он бывает таким. Что я всё понимаю.

Она кивнула и уставилась на кнопки. Я ещё постояла рядом, надеясь получить хоть какой-нибудь знак благодарности. Мне очень нужно было почувствовать себя хорошим человеком, прежде чем разъедутся двери.

Глава 7

До утра

Ночью любой совет звучит иначе. Днём фраза «надо просто отпустить» ещё может сойти за мысль. В три часа ночи, когда ты сидишь на краю ванны, чтобы никого не разбудить, в ней слышно только желание поскорее закончить разговор.

Я научилась переживать тихо. Включать воду, если плачу. Писать сообщение в заметках. На следующий день выходить из квартиры в чистой одежде. Людям очень нравится такая собранность: она позволяет им не менять планы. Чем аккуратнее я справлялась, тем чаще мне говорили, что я молодец.

А мне иногда хотелось перестать быть молодцом так, чтобы это стало видно с лестничной площадки. Устроить что-нибудь непоправимо некрасивое: позвонить без предупреждения, приехать с опухшим лицом, сказать «мне сейчас нельзя одной» и не добавить после этого «если тебе удобно». Но я боялась, что люди придут из обязанности. Потом при каждой встрече буду высматривать, не устали ли они от меня.

Однажды я всё-таки позвонила знакомой. Мы не были особенно близки. Я выбрала её почти случайно: она недавно писала, что плохо спит. Это казалось достаточным основанием не чувствовать себя воровкой чужого отдыха.

Она ответила сонным голосом. Я тут же извинилась и сказала, что набрала случайно. Уже собиралась положить трубку, когда она спросила: «Ты где сидишь?» Почему-то этот простой вопрос оказался сильнее всего, что я готовила для объяснения. Я сказала: в ванной. Она попросила перейти на кухню и поставить чайник.

Мы проговорили минут двадцать. Она не нашла решения. Под конец даже зевнула и призналась, что ей рано вставать. Мне не пришлось притворяться, будто я не слышу её усталости. Она была уставшей и всё равно оставалась на линии.

Утром стыд вернулся. Я написала огромное сообщение с извинениями за ночь. Перечитала и стёрла половину. Отправила: «Спасибо, что поговорила». Она ответила фотографией своей кошки, которая спала поперёк подушки. Я наконец засмеялась без необходимости показать, что со мной уже всё хорошо.

Глава 8

Ты всё придумала

Сначала я действительно проверяла, не придумала ли. Вспоминала интонацию, место, точные слова. Может быть, неправильно поняла. Может быть, человек хотел сказать другое. У меня богатое воображение, я знаю за собой этот недостаток. Иногда достаточно одного сухого ответа, чтобы внутри уже собралась целая история моего отвержения.

Но у происшедшего были и вполне твёрдые подробности. Обещание приехать, которое потом называли предположением. Грубая фраза, которую объявляли шуткой. Встреча, о которой я якобы знала. Я начинала записывать после разговоров. Чувствовала себя следователем в собственной квартире и стыдилась ещё сильнее.

Мне говорили, что нормальные люди не ведут протокол отношений. Это правда. Я тоже хотела перестать. Хотела просто помнить вечер и не готовиться заранее к тому, что завтра придётся защищать его существование.

Самым неприятным было то, как быстро я потеряла право на обиду. Стоило признать, что я могла ошибиться в мелочи, — и вся история считалась моей выдумкой. Я назвала не тот день. Значит, разговор вообще прошёл иначе. Я повысила голос. Значит, причина ссоры во мне. Мы подробно разбирали мою реакцию, пока то, на что я реагировала, куда-то исчезало.

Я не всегда была права. Иногда приносила в новый вечер старую боль и требовала ответа за всё сразу. Иногда приписывала намерение там, где была обычная рассеянность. Мне понадобилось время, чтобы научиться признавать такие ошибки, не отдавая вместе с ними всю остальную правду.

Сейчас я могу сказать: здесь я неправильно поняла. И остановиться. Раньше за этим следовало длинное извинение за мой характер, моё детство, все испорченные ужины. Очень удобно заставить человека извиняться за устройство целиком. Потом уже не нужно обсуждать отдельные поступки.

Недавно я перечитала старые записи. В одном месте было всего четыре слова: «Он опять сказал, что». Дальше пусто. Я так и не дописала. Помню, тогда услышала шаги и закрыла телефон. Больше никаких доказательств в ту минуту мне было не нужно. Но я ещё долго их собирала.

Глава 9

Хорошая память

Я помню, кто не приехал. Кто сказал не то. Кто поздравил только вечером, хотя весь день был в телефоне. Если составить из этого список, получится подробный портрет человека, с которым довольно тяжело дружить. Моего портрета.

Долгое время я считала такую память свидетельством глубины. Мне ведь важно, я всё замечаю. Другие проходят мимо, а я храню. При этом добрые поступки почему-то со временем превращались в общее впечатление, а обиды сохранялись с прямой речью и указанием места. Один человек мог помочь мне десять раз. На одиннадцатый он отказывал, и я вдруг вспоминала весь наш счёт в совершенно другой валюте.

Я редко предъявляла это сразу. Носила внутри, пока не случалась ссора. Тогда выяснялось, что у меня подготовлен архив. Собеседник удивлялся: почему ты раньше молчала? Я слышала в этом попытку уйти от ответа. Иногда это ею и было. Иногда человек действительно впервые узнавал, что три года назад в кафе сделал мне больно.

Мне нравилось говорить, что я прощаю, но не забываю. Звучало благородно и настороженно. На деле это часто означало, что я пока не решила, когда использую оставленное против него.

Есть вещи, которые стоит помнить. Не хочется опять доверить важное тому, кто уже распорядился доверием плохо. Но я начала различать осторожность и тайное ожидание новой вины. Во втором случае близкому человеку приходится всё время ходить рядом с чем-то, о существовании чего знаю только я.

Недавно подруга напомнила, как однажды сидела со мной в больничной очереди целый день. Я помнила очередь. Её присутствие почему-то растворилось в слове «тогда». Зато помнила, как через месяц она не смогла со мной встретиться. Мне стало нехорошо от собственного способа вести учёт.

Вечером я позвонила и поблагодарила её за тот день. Она рассмеялась: «Ты чего вдруг?» Я сказала, что вспомнила. Объяснять, что прежде мне было выгоднее помнить другое, я не стала. Пока мне хватает честности только на часть разговора.

Глава 10

Полная версия

Когда я рассказываю о нашей ссоре, в комнате сразу становится ясно, кто виноват. Рассказ у меня хороший. Есть начало, неприятная фраза и пауза, в которую слушателю удобно возмутиться. Я умею передать интонацию. Даже слишком умею.

В моей версии всё начинается с его слов. Своих я не скрываю, просто они как будто не относятся к главному. До этого была долгая неделя. До этого он уже раздражал меня одним присутствием. До этого я спросила: «Ты хоть что-нибудь можешь сделать нормально?» Но это же было на нервах. А вот его ответ я помню дословно.

Мне страшно признавать такие подробности. Кажется, стоит добавить их в рассказ, и люди тут же отнимут у меня право на боль. Скажут, что сама виновата, и удовлетворённо перейдут к следующей теме. Поэтому я заранее редактирую материал. Защищаю себя от грубого чужого суда при помощи маленького собственного обмана.

Бывают истории, где никакая дополнительная реплика не оправдывает чужую жестокость. Но это не делает мою реплику несуществующей. Я долго путала эти вещи. Мне казалось, ответственность можно распределить только целиком: либо вся ему, либо вся мне. И я отстаивала роль невинной даже там, где уже самой было стыдно.

Однажды подруга дослушала и спросила: «А ты ему что ответила?» Я обиделась на сам вопрос. Решила, что она на его стороне. Наговорила лишнего и ей. Так за один вечер у меня стало на одного несправедливого человека больше.

Теперь я стараюсь начинать раньше. С момента, который хочется пропустить. Это портит рассказ. Слушателю труднее быстро понять, кого ненавидеть. Мне приходится выдержать несколько секунд без привычного одобрения.

В последний раз я так и сделала. Рассказала, что сказала первой. Знакомая пожала плечами: «Ну, вы оба». И я снова пожалела о честности. Мне хотелось получить что-то более точное, чем эти два слова. Пришлось объяснять дальше. Возможно, именно поэтому я раньше так тщательно выбирала, с какого места начать.

Глава 11

Последнее слово

У меня в заметках лежало письмо, от которого он должен был всё понять. Я переписывала его в автобусе, в очереди, перед сном. В удачные дни получалось холодно и достойно. В плохие я добавляла подробности, которые нельзя было отправлять. Потом убирала их обратно.

Мне хотелось попасть в единственное место, которое у него ещё болит. Убедить себя, что такое место есть и что я знаю к нему дорогу. Я называла это желанием объясниться. Но в каждом варианте письма был абзац, после которого ему полагалось перестать спокойно спать.

Жизнь тем временем шла. Я покупала продукты и думала, как точнее закончить третье предложение. Видела смешную собаку, а через минуту уже подбирала другое слово вместо «жестокость». Даже моя злость работала на него полный день. Он не должен был ничего делать, чтобы оставаться главным адресатом происходящего.

Однажды я всё отправила. Самый короткий, сдержанный вариант. В нём я выглядела человеком, которому уже почти всё равно. Сразу после отправки перечитала четыре раза. Начала ждать. Вся моя тщательно выстроенная свобода снова зависела от двух галочек.

Он ответил: «Мне жаль, что ты так это воспринимаешь». Я знала, что он может написать именно это. Даже тренировалась заранее не реагировать. Всё равно стало больно, будто в конце долгой лестницы я упёрлась в стену, которую сама помогла построить.

Я открыла заметки и начала второе письмо. Уже не ему, как мне тогда казалось. Себе, чтобы разобраться. К утру в нём снова появилось «ты».

Я не удалила эти тексты. Иногда читаю и вижу, как отчаянно хотела стать убедительной для человека, которому было удобно оставаться неубеждённым. Последнее слово так и осталось у него. Некоторые дни я до сих пор это мысленно оспариваю.

Но письмо больше не открываю в автобусе. Смотрю в окно. Там нет никакого особенного нового мира: шиномонтаж, аптека, женщина тащит тяжёлую сумку. И всё же приятно, что хотя бы несколько остановок существуют без необходимости что-то ему доказать.

Глава 12

Злая

Когда я наконец разозлилась, окружающие решили, что мне стало хуже. До этого я плакала и извинялась, если разговор затягивался. Со мной можно было быть добрыми. Злая я оказалась значительно менее удобной для сочувствия.

Я перестала смягчать подробности. Перестала добавлять к каждой претензии объяснение чужого трудного характера. Если кто-нибудь говорил, что он по-своему меня любил, я спрашивала, почему расплачиваться за этот своеобразный способ приходилось мне. Собеседники отводили глаза. Раньше мы разговаривали приятнее.

Некоторое время злость помогала вставать. В ней было много сил. Я ремонтировала то, до чего годами не доходили руки, договаривалась о деньгах, перестала соглашаться на встречи из страха обидеть. Мне казалось, я нашла характер, которого мне всегда не хватало.

А потом я сорвалась на продавщицу. Она медленно пробивала покупки, дважды ошиблась, позвала другую сотрудницу. Я сказала что-то унижительное про способность выполнять простую работу. Совершенно спокойно. Слышала собственный голос и всё равно продолжала. Очень хотелось, чтобы хотя бы кто-то сегодня оказался слабее меня.

Дома я долго объясняла это усталостью. Ещё говорила себе, что женщина действительно работала плохо. Удобное обстоятельство: чужая ошибка позволяет не замечать собственного удовольствия от наказания.

На следующий день я вернулась. Продавщицы не было. Я зашла ещё раз через день. Она узнала меня и сразу напряглась. Извинение получилось неловким. Она сказала: «Да ничего», и я смогла уйти. Но лучше от этого я не стала.

Я по-прежнему злюсь на тех, кто меня обидел. Иногда очень. Больше не считаю, что должна заслужить уважение безупречным спокойствием. Но мне приходится следить, куда я несу эту злость, когда настоящий адресат далеко и защищён от меня лучше всех остальных.

На кассе я теперь жду. Это не делает меня доброй. В голове бывает достаточно мерзких слов. Только произносить их при всех я уже умею, и женщина за кассой это тоже знает. Поэтому мои промолчанные десять секунд для неё могут значить больше, чем все мои объяснения о том, сколько мне пришлось пережить.

Кому удобно

Глава 13

Выдержишь

Меня называли сильной в основном перед тем, как оставить с чем-нибудь одну. С больной мамой, с неработающей машиной, с необходимостью придумать, откуда взять ещё денег. Сначала обязательно говорили, что я справлюсь. Люди вообще любят верить в тебя, когда от этой веры им становится легче уйти.

Я гордилась. Отвечала: конечно. Мне нравилось быть человеком, которому доверяют трудное. В детстве за такую готовность хвалили, во взрослой жизни ею пользовались. Между этими двумя вещами не было заметной границы, поэтому я долго их путала.

Когда я пыталась попросить помощи, все удивлялись. Ты же всегда сама. Именно. Всегда сама. Мне хотелось, чтобы в этой фразе наконец услышали усталость. Они слышали хороший послушной список.

Однажды нужно было перевезти шкаф. Я спросила брата, сможет ли он в субботу. Он сказал, что не знает, и посоветовал нанять людей. Я могла нанять. Деньги были. Но очень хотелось хоть раз получить помощь без необходимости объяснять, почему я не куплю её у чужих людей.

Он перезвонил вечером. Спросил, решила ли я со шкафом. Я сказала: решила. Он обрадовался. На этом разговор закончился. Мне хватило сил организовать перевозку, но не хватило сказать брату, что я просила его приехать ещё и потому, что давно его не видела.

Самодостаточность часто выглядит убедительнее, чем чувствует себя изнутри. Человек стоит перед тобой с собранными пакетами, всё оплатил, нашёл машину. Трудно догадаться, что он всю ночь представлял, как кто-нибудь без просьбы подойдёт и возьмёт хотя бы один пакет.

Я теперь стараюсь просить точнее. Бывает, получаю отказ. Он почему-то переносится легче, чем бесконечное ожидание догадки. Бывает, человек приходит. Я ещё не научилась принимать это без суеты. Сразу кормлю, предлагаю деньги, обещаю ответную услугу. Будто помощь требуется срочно обезвредить, пока она не превратила меня в зависимую.

В прошлую субботу брат всё-таки заехал. Я заранее отодвинула тяжёлый стол, чтобы ему было легче занести коробки. Он увидел и спросил, зачем я это делала одна. Я открыла рот, собираясь ответить привычное «мне не трудно». И вдруг поняла, что действительно не знаю, как перестать.

Глава 14

Бесплатно

«Тебе же это ничего не стоит», — говорили мне люди, которые собирались что-нибудь получить. Написать текст. Позвонить знакомому. Посидеть с ребёнком. Найти нужную бумагу. Самое дорогое в мире почему-то всегда ничего не стоит именно тому, у кого его просят.

Я соглашалась. Услуга занимала полчаса, потом ещё час. После требовалось поправить мелочь, обсудить другую мелочь, успокоить человека, который не знал, как начать. Вечер исчезал целиком. На следующий день меня спрашивали, почему я так устала. Я ведь сидела дома.

Мне было неловко говорить о цене. Как будто за словами «мы же друзья» начиналась территория, на которой моё время становилось общим. При этом дружба не давала мне права бесплатно брать продукты в чужом магазине. Здесь все прекрасно понимали разницу: товар нельзя, время можно.

Одна знакомая попросила помочь с большим проектом. Я объяснила, что сейчас не потяну бесплатно. Она замолчала, потом рассмеялась: «Ну ты деловая». Я тоже улыбнулась. Почувствовала себя жадной, хотя ещё минуту назад просто собиралась сохранить два собственных выходных.

На этом можно было бы закончить историю о людской наглости. Но после отказа я весь вечер ждала, что знакомая предложит заплатить. Мне хотелось не только отдохнуть. Хотелось получить подтверждение, что мою работу считают настоящей. Когда она нашла кого-то другого, я обиделась ещё сильнее. Моё «нет» содержало несколько условий, о которых никто не был обязан догадаться.

Теперь я иногда называю стоимость сразу. Голос при этом становится официальным, чужим. Не умею пока произнести цену так же просто, как время встречи. После разговора хочется дописать, что сделаю скидку. Что можно позже. Что в общем договоримся.

Близкие действительно помогают друг другу без оплаты. Я люблю эту часть дружбы. Просто мне хочется приходить на помощь по собственному желанию, а не из страха увидеть на чужом лице, как быстро я стала неудобным человеком.

Вчера меня попросили о маленькой услуге. Я сказала, что могу заняться ею в четверг. В ответ пришло: «Спасибо, мне как раз не срочно». Никакого наказания не последовало. Почти разочарование. Столько лет я заранее отказывалась от своего времени ради ссоры, которая иногда даже не собиралась происходить.

Глава 15

Отказ

Первое честное «нет» я произнесла по телефону и тут же начала оправдываться. За окном темнело, на столе остывал ужин. Я объясняла, что устала, плохо спала, завтра рано вставать. Чем подробнее говорила, тем больше возможностей оставляла собеседнику решить, достаточно ли серьёзны мои причины.

Он предложил приехать ненадолго. Потом перенести мои дела. Потом сказал, что я стала странной. Я чувствовала, как мой вечер снова уходит к нему, хотя самого согласия ещё не было. Чтобы удержать отказ, пришлось выйти из разговора почти невежливо. После этого полчаса ходила с телефоном и чувствовала себя дрянью.

Я ждала обещанного облегчения. В книгах и красивых чужих историях человек обозначает границы, после чего расправляет плечи. У меня плечи заболели ещё сильнее. Я представляла, как собеседник рассказывает обо мне другим. Перечитывала последнюю фразу, искала способ сделать её добрее задним числом.

Мне понадобилось несколько вечеров, чтобы понять: неприятное чувство не всегда означает, что я поступила плохо. Иногда оно означает только то, что я впервые не сделала привычное. Привычное тоже было неприятным. Просто к той неприятности я давно приспособилась.

Бывало, за отказ наказывали. Молчанием, насмешкой, демонстративным «больше не побеспокою». Я не собираюсь утверждать, что всё решает правильно подобранная формулировка. Иногда человек прекрасно слышит и именно поэтому сердится. Моё время действительно было вписано в его планы. Теперь ему придётся что-то менять.

Но однажды я сказала подруге, что сегодня не готова встречаться. Уже приготовилась спасти дружбу длинным объяснением. Она ответила: «Тогда в другой раз. Выпись». И мы действительно встретились в другой раз. Она не вспоминала мой отказ. Не приберегла его для случая. Даже не перестала мне звонить.

Я до сих пор помню этот обыкновенный ответ. Не потому, что она сделала что-то великое. Мне просто разрешили остаться любимой, не предоставив своё присутствие в нужный день. Оказывается, к ужину можно вернуться до того, как он совсем остынет.

Глава 16

Свои люди

Чужим людям я называла условия. Своим говорила: потом разберёмся. Почти все серьёзные неприятности начинались у меня с этого великодушного «потом».

Когда мы затеяли общее дело, я постеснялась обсудить деньги. Сидели на кухне, ели бутерброды, были полны взаимного доверия. Говорить в такой момент о долях и обязанностях казалось некрасивым. Человек только что передал мне соль, а я собиралась подозревать его в будущей подлости.

Первые недели работали одинаково много. Потом у каждого нашлись свои обстоятельства. Я делала дополнительные звонки, закрывала чужую смену, покупала расходники. Не записывала. Записывать тоже было некрасиво. Я рассчитывала на память другого человека так уверенно, будто она работала в мою пользу по отдельному соглашению.

Когда пришло время делить заработанное, выяснилось, что мы оба считаем себя обделёнными. У него в памяти были собственные расходы. В моей — мои бессонные вечера. Общая дружба ничего не умела складывать. Мы разговаривали всё громче, и каждый новый довод делал другого менее порядочным.

Потом я долго говорила, что деньги испортили отношения. Так удобно: есть виновник, который не может возразить. Но наши отношения не выдержали разговора, который мы сами откладывали. Не деньги заставили меня молчать, когда стало тяжело. Мне хотелось сохранить образ щедрого человека и одновременно получить точную справедливость без единого расчёта.

Он тоже пользовался неясностью. Это важно. Моё молчание не делало любой его поступок допустимым. Просто теперь я вижу, сколько удобных ходов мы оба оставили себе, отказавшись от ясных слов на общей кухне.

С новыми знакомыми я записываю договорённости. Поначалу неловко. Бумага лежит между чашками и выглядит почти обвинением. Но через неделю, когда кто-то что-то забывает, у нас появляется возможность открыть файл вместо того, чтобы выяснять качество человеческих душ.

Недавно давний друг сам прислал мне расчёт. Я посмотрела на подробные строки и неожиданно почувствовала нежность. Он не предложил мне доказывать, что я ему своя. Просто учёл мои деньги с той же точностью, с какой учитывал собственные.

Глава 17

Я же пошутила

В компании меня считали остроумной. Я быстро замечала чужие слабые места и умела назвать их так, чтобы все засмеялись. Иногда даже человек, о котором шла речь. Его смех был особенно удобен: после него можно было не сомневаться в собственной доброте.

Я не придумывала откровенно жестоких шуток. Достаточно чуть преувеличить привычку, вспомнить неловкий случай, удачно обыграть то, чего человек стесняется. Всё настоящее. В этом и прячется оправдание. Раз человек сам такой, какое отношение к этому имеет тот, кто произнёс вслух?

Однажды я пошутила о подруге и её неудачном знакомстве. Подробности она рассказала мне ночью, когда ей было плохо. Днём они уже звучали забавно. За столом никто не знал, откуда у меня материал. Я получила смех за чужую доверчивость и ещё решила, что разрядила обстановку.

Подруга улыбнулась. После встречи написала, что ей было неприятно. Я ответила: «Ну ты же знаешь, как я к тебе отношусь». И добавила, что она тоже иногда шутит. Мне очень хотелось превратить её отдельную обиду в общий спор о чувстве юмора. Там у меня было больше шансов победить.

Она перестала рассказывать некоторые вещи. В остальном всё продолжалось: поздравления, кофе, сообщения про работу. Я не сразу заметила, что из наших разговоров исчезли именно те подробности, после которых человеку особенно страшно быть осмеянным. Сначала даже решила, что у неё всё наладилось.

Я не знала, как вернуть прежнюю близость. Извинение уже было принесено. Она сказала, что простила. Но мне хотелось, чтобы она снова предоставила уязвимое место и тем самым подтвердила окончание истории.

Сейчас я придерживаюсь некоторые фразы. Это тяжело признавать: острота по-прежнему приходит первой. Я слышу возможный смех, представляю, как хорошо получится. Иногда молчу и даже раздражаюсь на человека, ради которого приходится терять такую удачную реплику.

Однажды подруга снова рассказала мне что-то личное. Я слушала очень внимательно. После разговора не осталось ничего, чем можно было бы блеснуть за чужим столом. Остался только человек, который ещё раз решил мне поверить. Этого вполне хватило на весь вечер.

Глава 18

Обратная услуга

Я узнала цену помощи, когда не смогла помочь в ответ. До этого мы считали её бескорыстной. Обе.

Она приехала ко мне в тяжёлый период, привезла еду, взяла на себя несколько неприятных звонков. Я была благодарна. Часто говорила об этом, покупала ей подарки, старалась быть рядом. Но однажды потребовалось то, чего я дать не могла. Поддержать решение, которое считала опасным, и подтвердить её правоту перед другими людьми.

Я отказалась. Осторожно, объясняя каждую фразу. Она напомнила, кто сидел со мной, когда все остальные занимались своей жизнью. Это было правдой. Именно поэтому я растерялась. С фактом не поспоришь, а отказываться от собственных слов уже было невозможно.

Мы долго разговаривали о благодарности. Постепенно выяснилось, что она означает для нас разные вещи. Я думала, что должна беречь человека, помогать по возможности, помнить хорошее. От меня ждали ещё и готовности быть на её стороне независимо от обстоятельств. За однажды протянутую руку я, оказывается, отдала право потом оценивать происходящее.

После ссоры я несколько дней пыталась вспомнить все подарки и услуги. Считала, закрыт ли долг. Мне стыдно за этот подсчёт, но именно к нему привёл разговор. Хотелось получить точную сумму, внести её и снова принадлежать себе.

Потом я заметила, как сама напоминаю близким о сделанном. Особенно когда мне отказывают. Я не требую прямо, просто говорю: «Я ведь всегда старалась». После такой фразы человеку приходится отвечать уже не на просьбу, а на обвинение в неблагодарности. Любой его отказ становится подтверждением моего великодушия и его нравственной несостоятельности.

Я до сих пор благодарна той женщине. Ссора не вычеркнула привезённую еду. Мне не хочется переписывать всё хорошее в хитрый расчёт: возможно, тогда она действительно ничего не ждала. Ожидание могло возникнуть потом, незаметно даже для неё.

Мы больше не близки. Иногда я думаю ей написать. Потом вспоминаю, что благодарность снова могут принять за готовность согласиться. И не пишу. Так и живу с невозвращённым добром, которое не получается принять спокойно и невозможно вернуть посылкой.

Глава 19

При всех

Есть люди, которые особенно нежно обращаются с тобой при свидетелях. Спрашивают, не холодно ли, подкладывают еду, называют ласковым именем. Ты сидишь рядом и чувствуешь себя обманщицей: ещё утром этот же голос объяснял, что с тобой невозможно разговаривать.

Я долго не могла понять, какое отношение считать настоящим. Хотелось выбрать хорошее. Думала, что дома человек просто устаёт, а на людях возвращается к себе. Это объяснение позволяло пережить следующий вечер. Зато после каждой встречи в гостях мне становилось тяжелее рассказывать кому-нибудь о происходящем. Все уже видели доказательства моей благополучной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.